

Великодержавный шовинизм Мао Цзэ-дуна

Т. РАХИМОВ, В. БОГОСЛОВСКИЙ

СОБЫТИЯ «культурной революции» в КНР показали, что самыми «беспокойными» для ее организаторов были окраинные районы Китая. В Тибете и Синьцзяне, например, так называемые «ревкомы» были созданы последними в стране — только 5 сентября прошлого года. Но и до сих пор со страниц официальной печати не исчезают предостережения насчет того, что в этих районах «классовые враги отнюдь не смирились со своим поражением, а по-прежнему мешают стране идти по пути социализма».

И дело не только в том, что чем дальше от Пекина, тем труднее маоистам осуществлять эффективную власть, — окраины КНР населены не китайскими народами, давно уже познавшими подлинную сущность «национальной политики» Мао Цзэ-дуна и его группы.

Проблемы взаимоотношений между различными нациями и народами сложны всегда, в любом многонациональном государстве. Тем более сложны эти проблемы для Китая. В современных границах страны насчитывается в настоящее время более ста различных наций, народностей и национальных групп общей численностью примерно в 45 миллионов человек. Все они в официальных китайских материалах именуются «национальными меньшинствами». Однако в действительности многие из них, прежде всего уйгуры (четыре миллиона человек), монголы (полтора миллиона), тибетцы (три миллиона), чжуань (около восьми миллионов), живут компактными группами, составляя большинство населения на значительной территории, имеют свою многовековую культуру, богатый опыт независимого государственного существования. По большей части не китайские народы и этнические, и по культурным и религиозным особенностям резко отличаются от ханьцев (китайцев).

Китайское государство как многонациональное сложилось в процессе многовековых завоеваний. Захваченные земли становились объектом усиленной колонизации, сопровождавшейся физическим уничтожением и насильственной ассимиляцией не китайских народов, что, естественно, не могло не породить у них недоверия и подозрительности по отношению к китайцам.

Все это требовало от руководства КПК и КНР особой осторожности в подходе к национальной проблеме, всестороннего учета интересов всех народов, живущих на территории Китая, строгого соблюдения основных положений марксистско-ленинского учения о национальном вопросе.

В первые годы существования КНР, когда в руководстве КПК были еще сильны позиции коммунистов-интернационалистов, когда в политике ее руководства еще не возобладал открыто великодержавный курс группы Мао Цзэ-дуна, — в эти годы была проделана определенная работа по подъему благосостояния и развитию культуры не китайских народов. В национальных районах было построено некоторое количество промышленных предприятий, проведена аграрная реформа, открывались школы и медпункты. Государственные и партийные органы КНР разработали позитивную программу решения национального вопроса. «Все национальности равноправны, — провозглашала статья 3-я Конституции КНР (1954 год). — Запрещается дискриминация и гнет в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей». Устав КПК, принятый VIII съездом в 1956 году, требовал: «Коммунистическая партия Китая должна прилагать особые усилия для улучшения положения национальных меньшинств, содействовать самоуправлению среди них, усиленно готовить кадры из их представителей, содействовать развитию их экономики и культуры, осуществлять полное равноправие всех национальностей и укреплять отношения сплоченности и дружбы между ними... особое внимание надо уделять предупреждению и преодолению великодержавного шовинизма среди членов партии и работников государственных учреждений ханьской национальности».

Все это как будто бы создавало благоприятные условия для решения национального вопроса в КНР. Однако одновременно в политике руководства Китая все больше проявляются тенденции великодержавного шовинизма, и прежде всего в отношении правового положения не китайских народов.

С самого начала этим народам — 45 миллионам человек! — было отказано в праве на самоопределение, на национальную государственность. Им предоставили право лишь на так называемую районную автономию. «Китайская Народная Республика, — говорится в той же статье 3-й Конституции КНР, — есть единое многонациональное государство... Во всех районах, где национальные меньшинства живут компактно, осуществляется районная автономия. Районы национальной автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики».

Однако и «районная автономия», являющаяся таковой только по названию (автономные районы

имеют не больше самостоятельности, чем обычные провинции), была предоставлена всего пяти из ста некитайских народов. Среди лишенных этого права такие народы, как ицзу (3,3 миллиона человек), мяо (2,5 миллиона), маньчжуры (2,4 миллиона), корейцы (1,2 миллиона).

Да и у тех народов (тибетцы, уйгуры, дунгане, монголы, чжуаны), которые получили формальное право на «районную автономию», территориальное размежевание было проведено весьма своеобразно. Тибетский народ, например, был фактически разорван на части — в Тибетском автономном районе проживает менее половины всех тибетцев; остальные оказались в китайских провинциях Цинхай, Сычуань, Юньнань. На территории «автономной» Внутренней Монголии монголы составляют настоящее «национальное меньшинство» — 10 процентов ее населения.

Эти великодержавные тенденции в решении национального вопроса окончательно возобладали в результате крутого поворота во внутренне- и внешнеполитическом курсе, совершенного группой Мао в конце 50-х годов, а события «культурной революции» подтвердили, что национальная политика нынешнего руководства КПК направлена на насильственную ассимиляцию некитайских народов, живущих на территории КНР.

Некитайские народы полностью лишены политических прав. Народные комитеты всех ступеней, призванные представлять интересы местных народов, разогнаны. Вся власть перешла в руки так называемых «революционных комитетов», созданных армейским командованием по инструкции из Пекина и действующих под полным контролем армии. Во главе «ревкомов» поставлены китайцы. Так, «ревком» Внутренней Монголии руководит Тэн Хайцин, бывший заместитель командующего Пекинским военным округом, «ревком» Синьцзян-Уйгурского автономного района — Лун Шу-цзинь, бывший командующий Хунаньским военным округом.

Обычным явлением стали массовые репрессии и преследования национальных кадров — партийных работников, государственных деятелей, представителей интеллигенции. Широкою известность приобрела массовая кампания по борьбе с так называемым «правым уклоном» и «пантюркизмом», организованная в 1958 году в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, во время которой в числе многих были оклеветаны и репрессированы Зия Самеди — крупный уйгурский писатель, председатель местного Союза писателей, поэт Ибрагим Турды, мэр города Урумчи Абдураим Саиди, Ганибатыр — революционер, подлинный народный герой, боювшийся против гоминьдановцев, и многие другие.

Особенно широкий размах приняли репрессии против национальных кадров во время «культурной революции». Обвинения в контрреволюционной деятельности, в пособничестве империализму и «советскому ревизионизму» были подвергнуты не отдельные лица, а практически вся национальная интеллигенция, все национальные кадры в органах партии, органах управления. Среди репрессированных — председатель Народного комитета автономного района Внутренней Монголии, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК Уланфу, заместитель председателя Народного комитета Синьцзян-Уйгурского автономного района Иминов и многие другие.

Пресловутый «большой скачок» и «народные коммун» оказали на национальные районы еще более пагубное влияние, чем на остальной Китай. Резко сократилось производство на немногих построенных здесь промышленных предприятиях. Пришло в

упадок сельское хозяйство. Начался голод, охвативший целые области.

В целом экономика национальных районов КНР носит колониальный характер. Немногочисленные промышленные предприятия либо работают на военные нужды, либо их продукция вывозится в центральные районы страны. Инженерно-технический персонал и квалифицированные рабочие на них — исключительно китайцы, приехавшие из центральных районов. Представители местного населения допускаются только на тяжелую неквалифицированную работу; тем самым искусственно сдерживается развитие национального рабочего класса.

Единственный вид строительства, которое ведется в настоящее время на территории национальных районов, — это строительство стратегических шоссе, аэродромов, атомных полигонов, где широко используется принудительный труд некитайских народов.

Искусственное насаждение коммун в национальных районах преследовало одну цель — выкачать максимальное количество продуктов для содержания многих сотен тысяч китайских солдат, размещенных в национальных районах, и вывоза в крупные города.

К пагубным последствиям для экономики национальных районов и положения местных жителей приводит переселение в эти районы китайцев. Численность китайцев в Синьцзян-Уйгурском районе и Тибете к настоящему времени достигла примерно половины всего их населения, а доля монголов во Внутренней Монголии уменьшилась в два раза. А надо учесть, что переселенцам предоставляют лучшие земли в Синьцзяне, где всегда ощущался острый недостаток пахотных угодий, во Внутренней Монголии для них распахивают пастбища.

Последние сообщения официальной пропаганды свидетельствуют о том, что переселение китайцев приняло массовый размах. Официальная пресса не скрывает, что значительная часть из 25 миллионов граждан, отправляемых в деревню, поедет в национальные районы. Участились призывы возвратиться к коммунам времен «Большого скачка».

Осуществляя колонизацию национальных районов, группа Мао стремится не только «разгрузить» центральные области или избавиться от «беспокойных». Массовое переселение китайцев преследует и другую, вполне определенную цель — превратить местное население этих районов в национальное меньшинство, обеспечить преобладание ханьцев и создать тем самым благоприятные условия для конечной ассимиляции некитайских народов. Надо сказать, что маоисты вовсе не собираются откладывать ассимиляцию на будущее. Самые разнообразные мероприятия в этом направлении осуществляются уже сейчас. Известны, например, многочисленные случаи насильственных браков, когда девушек-уйгурок, казашек, тибеток под угрозой репрессий заставляют выходить замуж за китайцев.

Но еще более зловеще выглядят меры по «духовной» ассимиляции.

Уже многие годы «китаизируются» национальные языки — их переводят на китайскую письменность, заменяется чуждой, китайской, не только интернациональная лексика, но и многие слова их основного словарного фонда. Фактически прекращено изучение родных языков в школах (одно из самых тяжких обвинений, предъявленных Уланфу, состояло в том, что он требовал изучать монгольский язык в национальных школах хотя бы наравне с китайским).

Маоисты разработали даже «теоретические посылки» ассимиляции не китайских народов. Еще в 1960 году журнал «Синьцзян хунци» откровенно писал о слиянии национальностей КНР на основе одной национальности — китайской. Вторившая ему газета «Синьцзян жибао» договорилась до того, что объявила ассимиляцию «марксистской и коммунистической». «Кто выступает против такой ассимиляции, — угрожают маоисты, — тот выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма». И это не пустые слова. Тех, кто требует, чтобы в национальных районах развивалась современная промышленность, формировался свой рабочий класс, создавались национальные научно-технические и руководящие кадры, расцветала национальная культура, объявляют носителями «черных» взглядов и сторонниками «открытой ревизии основных принципов марксизма-ленинизма» (понятно, какие последствия вытекают из таких обвинений).

Любому здравомыслящему человеку не трудно заметить принципиальные различия между марксистско-ленинскими положениями о путях сближения и слияния наций и подобными «теориями». Маоисты сознательно смешали сближение наций (которое действительно происходит в период строительства социализма и коммунизма при условии всемерного развития экономики и культуры социалистических наций) и слияние наций, то есть ликвидацию национальных языков, культур, создание единого мирового языка и единой культуры и т. д., что

может произойти лишь после победы коммунизма во всем мире.

Весьма показательным в этом отношении является тот факт, что в новом «уставе КПК», который принял так называемый IX съезд партии, вообще ничего не говорится о национальной политике, не китайские народы даже не упоминаются. Маоисты хотят сделать вид, что не китайских народов в КНР больше не существует, что «слияние» (то есть насильственная ассимиляция их) уже свершилась.

Естественно, что великодержавная шовинистическая политика Мао и его группы встречает растущее сопротивление не китайских народов — сопротивление, принимающее нередко форму вооруженных выступлений. Достаточно упомянуть непрерывающуюся партизанскую борьбу, в которой участвует несколько десятков тысяч тибетцев, многочисленные случаи вооруженных выступлений монголов, чжуанов, уйгуров. Только в одном из них, происшедшем на территории Синьцзяна в январе этого года, было убито более четырех тысяч человек.

Есть все основания предполагать, что «беспкойные» национальные районы принесут Мао Цзэ-дуну и его группе немало хлопот и в дальнейшем.

Правильное решение национальной проблемы в КНР возможно только при соблюдении в этом вопросе основных положений марксизма-ленинизма, творческого использования богатого опыта развития экономики и культуры национальных меньшинств в других социалистических странах.

Укрываясь от американских самолетов в скалистом гроте — естественном бомбоубежище — лаосцы печатают центральный орган Патриотического фронта Лаоса — газету «Лао хак сат».

Фото из газеты «Нойес Дойчланд» (ГДР)

